

ЭКОНОМИКА СТРАН ВОСТОКА

DOI: 10.31857/S086919080008443-4

ЧТО НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В МИРЕ И СТРАНАХ ВОСТОКА
НА РУБЕЖЕ 2020-х гг.

©2020

А.В. АКИМОВ ^a, В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ^b^a – ИВ РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5310-903X; akimovivran@mail.ru

^b – ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: В статье, опирающейся на ряд авторских расчетов, анализируются важнейшие тренды, проблемы и факторы экономического и социального развития современного мира, в том числе стран Востока и Юга, которые в течение последних десятилетий зримо и значимо увеличивали и, с высокой долей вероятности, будут в ближайшем будущем увеличивать свою роль в мировой экономике и политике. Однако, несмотря на определенный прогресс, достигнутый в экономически продвинутых и развивающихся странах, связанный с Четвертой промышленной революцией, экономическими и социально-институциональными реформами, экономический рост в мире (в той мере, в какой мы его можем измерить) замедляется, усугубляются финансово-экономические диспропорции, нарастают экологические и социальные противоречия и общий кризис глобального управления.

Наблюдаемое в настоящее время замедление темпов экономического роста в мире объясняется некоторыми экономистами как результат повышения благосостояния, т. е. достижения высокой степени насыщения рынков при высоких доходах населения. В среднесрочном плане возможно повышение темпов роста для замены производственного аппарата. Потребность в этом возникает в результате развития новых технологий. Кроме того, в развивающихся странах модернизация может ускорить экономический рост.

Замедление темпов мирового экономического роста происходит на фоне смещения мирового экономического центра в страны Восточной Азии, в первую очередь КНР. В краткосрочном плане мировой экономический кризис прогнозируется теми, кто концентрирует внимание на фондовом рынке, но анализ макроэкономических показателей не обещает сильного спада в 2020 г.

Ключевые слова: страны Запада, Востока и Юга, производительность, институты, экология, бедность, неравенство, кризис управления, долгосрочный и краткосрочный экономический рост, новые технологии

Для цитирования: Акимов А.В., Мельянцев В.А. Что нас ждет впереди: проблемы и перспективы экономического роста в мире и странах Востока на рубеже 2020-х гг. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 28–41. DOI: 10.31857/S086919080008443-4

WHAT LIES AHEAD: MAIN TRENDS AND CONTRADICTIONS OF ECONOMIC GROWTH IN DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES ON THE THRESHOLD OF THE 2020s

© 2020

Alexander V. AKIMOV ^a, Vitalii A. MELIANTSEV ^b^a – Institute of Oriental Studies, RAS

ORCID: 0000-0002-5310-903X; akimovivran@mail.ru

^b – Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University,

ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: The article analyzes main trends, problems and factors of economic and social development of the modern world, including the countries of the West, East and South, which during the last decades have been (and with high probability will be) massively increasing their role in the world economy and politics. However, despite the substantial progress, which has been recorded in economically advanced and developing countries, based on achievements of the 4th industrial revolution, as well as economic, institutional and social reforms, economic growth in them (to the extent that we can gauge it) is actually decelerating, financial and economic disproportions are aggravating, ecological and social contradictions and general crisis of world governance are increasing.

The current slowdown in economic growth in the world is explained by some economists as a result of increased welfare, that is, the achievement of a high degree of saturation of markets in a high personal incomes environment. In the medium term, the increase of growth rate is possible due to replacement of the production apparatus. It is stimulated by the development of new technologies. In addition, in developing countries, modernization can accelerate economic growth.

The slowdown in global economic growth is taking place alongside with the shift of the world economic center to the countries of East Asia, China, in the first place. In the short term, the global economic crisis is predicted by those who focus on the stock market, but the analysis of macroeconomic indicators does not promise a strong recession in 2020.

Keywords: the countries of the West, East and South, productivity, institutions, disproportions, ecology, poverty, inequality, crisis of governance, long-term and short-term economic growth, new technologies

For citation: Akimov A.V., Meliantsev V.A. What Lies Ahead: Main Trends and Contradictions of Economic Growth in Developed and Developing Countries on the Threshold of the 2020s. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 28–41. DOI: 10.31857/S086919080008443-4

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Что происходит в мировой экономике, в ее центрах и уже весьма весомой по многим измерениям (полу)периферии в конце второй декады 3-го тысячелетия и чего нам ожидать от ближайшего (обозримого) будущего?

Конец XX – начало XXI в. вместили в себя многое: крупные научно-технические достижения, повлиявшие на уровень и образ жизни в странах Запада, Востока и Юга (см. *граф. 1*), но наряду с ними – серьезные драматические социально-политические трансформации, глубокие экономические кризисы (об окончании которых заявлял еще в начале 2000-х гг. один из наиболее авторитетных лауреатов Нобелевской премии по экономике, Р. Лукас, но которые продолжаются), обострение ряда глобальных проблем человечества.

Несмотря на значительное наращивание в последние семь десятилетий в развитых государствах (РГ) и многих развивающихся странах (РС) физического и человеческого капитала, широкое распространение современных, в том числе постиндустриальных, тех-

нологий, углубление международного разделения труда и усиление глобальных взаимосвязей в мире, среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП, увеличившийся более чем втрое с 0.6–0.8% в 1800–1950 гг. до 2.3–2.4% в 1950–2019 гг. (в РС – в восемь раз, с 0.3–0.4% до 2.7–2.9%), в последние десятилетия обнаружил тенденцию к замедлению.

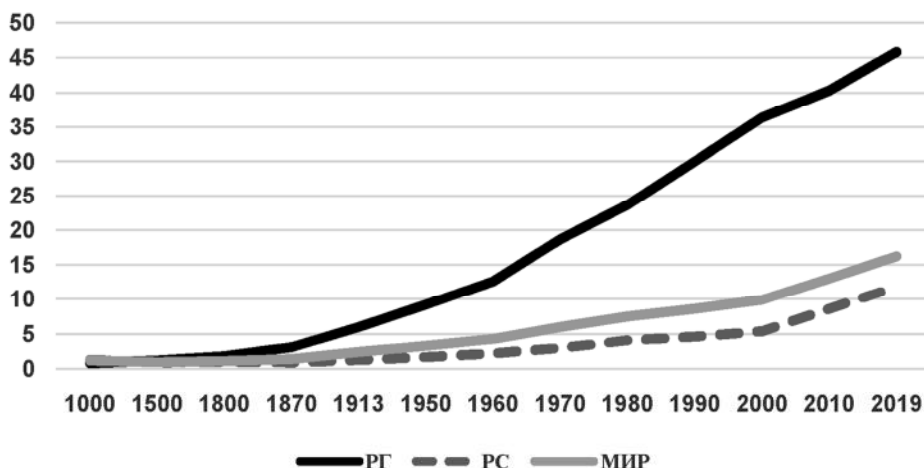

График 1. Динамика подушевого ВВП в целом по миру, в развитых и развивающихся странах, тыс. долл., в ППС 2011 г.

Примечания. 1. РГ – развитые государства, РС – развивающиеся страны, включающие переходные и новоиндустриальные экономики. 2. Данные за 2019 г., предварительные оценки.

Рассчитано по: [World Development Indicators. Data Bank; IMF. World Economic Outlook, 2019, October, p. 126, 147; Maddison, 2003, p. 164, 174, 232–233; Мельянцев, Матюнина, 2019, с. 13].

Хотя в мире произошло существенное снижение СГТП численности населения – с 1.9% в 1950–1980 гг. до 1.4% в 1980–2019 гг., в том числе в РГ – с 1.1 до 0.7% и в РС – с 2 до 1.5%, СГТП подушевого ВВП на планете в долгосрочном плане сократился более чем на четверть (соответственно с 2.8 до 2%), в том числе по РГ – в среднем почти вдвое (с 3.2 до 1.7%), а в целом по РС – на 1/10 (с 3 до 2.7%). При этом в РГ, в которых возникла острая проблема старения населения, уменьшилась интенсивность проведения крупных реформ и преобразований, немалая часть сегментов промышленного производства была переведена ТНК в РС (см.: [Цветкова, 2011]) и произошла гипертрофированная финансиализация экономики, рассматриваемый показатель снизился почти вдвое – с 2.2% в 1980–2000 гг. до 1.2% в 2000–2019 гг.

Ввиду существенной гетерогенности экономик РС (общее число которых вчетверо больше), чем РГ, можно говорить о выявлении по ним только наиболее общих тенденций. В целом по РС, среди которых несколько десятков сумели преодолеть ряд кризисных явлений конца прошлого века, проведя серию прагматичных экономических реформ, направленных на активизацию частного предпринимательства при улучшении качества человеческого капитала и государственного управления экономикой, а также воспользовавшись своими важными конкурентными преимуществами (демографическим дивидендом и сравнительной дешевизной рабочей силы), СГТП подушевого ВВП утроился – с 1.4 до 4.2%.

Хотя в специальной литературе есть информация о том, что, возможно, по РГ рост занижен (вследствие недоучета улучшения качества товаров и предоставляемых населе-

нию и бизнесу инфоуслуг [Мельянцев, 2017; Kohli, 2019]), а в РС, в том числе в Китае и Индии (в которых официальная статистика приукрашивала действительность), он несколько завышен [Мельянцев, 2019, с. 6; India Must Restore Faith, 2019], тем не менее очевидно, что РС, прежде всего КНР, Индия, азиатские НИС, стали весьма заметно теснить позиции РГ в мировой экономике. В частности, доля РС в приросте глобального ВВП выросла примерно на $\frac{3}{4}$, с немногим более $\frac{2}{5}$ в 1950–2000 гг. до почти $\frac{4}{5}$ в 2000–2019 гг., а в его общем объеме в полтора раза – с $\frac{2}{5}$ в 1950 г. до почти $\frac{2}{3}$ в 2019 г. (см. *граф. 2 и 3*).

График 2. Доля развивающихся стран в приросте глобального ВВП, %.
Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

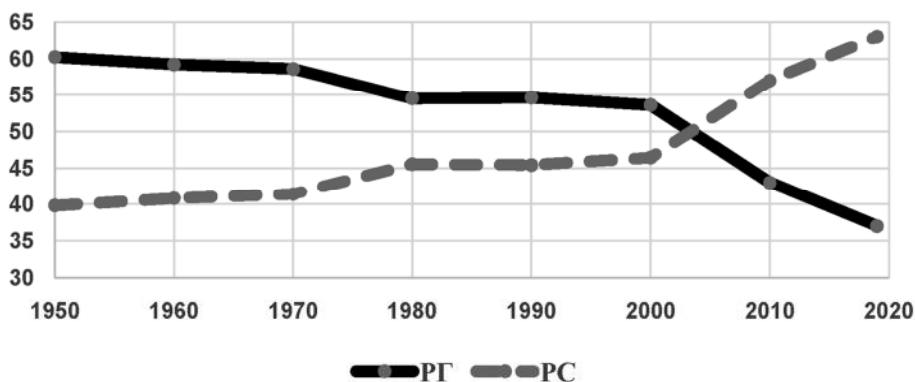

График 3. Доли развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в глобальном ВВП, %
Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

В целом стала наблюдаться некоторая тенденция к конвергенции по уровню *подушевого ВВП* между РС и РГ (см. *граф. 4*). Подчеркнем, что, если *относительный разрыв* в целом между группой РС и РГ после 2000 г. сокращался (в РС без Китая эта тенденция исчезает), *абсолютный разрыв* продолжал расти, но затухающими темпами.

Абсолютный разрыв в *средней продолжительности жизни* от рождения между ныне РГ и РС, возросший вчетверо с 1800 по 1950 г. (соответственно с 7 лет (33 года и 26 лет) до 29 лет (66 и 37 лет)), сократился, вследствие значительных успехов многих РС в развитии здравоохранения, использования опыта РГ и повышения уровня жизни населения, втрое к 2018 г. до 10 лет (81 и 71 год). Однако по другому важному компоненту человеческого капитала, по *среднему числу редуцированных лет обучения*, рассматриваемый показатель, увеличившись в семь раз в 1800–1950 гг. (по РГ и РС соответственно с 1.1 года (1.6 и 0.5 года) до 8 лет (10 лет и 2 года)), вырос в среднем на четверть до 10 лет в 2018 г. (18.2 и 8.1 года) (рассч. по источникам к *граф. 1*, а также: [Мельянцев, 2016, с. 62]).

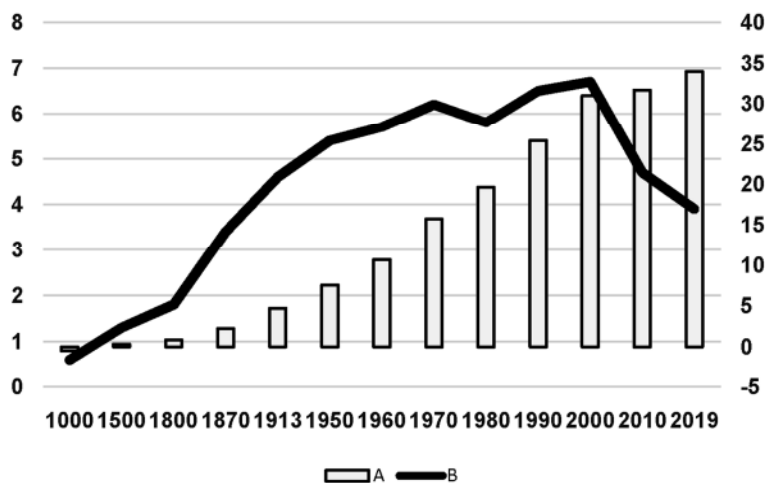

График 4. Динамика абсолютного (А) и относительного (В) разрыва по ВВП в расчете на душу населения между ныне развитыми и развивающимися странами

Примечания. 1. Относительный разрыв (левая шкала) – кратное от деления показателя по развитым государствам (РГ) на показатель по развивающимся странам (РС). Абсолютный разрыв (правая шкала) измерен в тыс. долл. США по ППС 2011 г.

2. РС включают переходные и новоиндустриальные экономики.

Рассчитано по источникам к граф. 1.

Как и в РГ (но еще быстрее), в РС в целом происходила существенная *модернизация структуры занятости* (в 1950–1980–2018 гг. доля неаграрных отраслей выросла соответственно с 75 до 91 и 98% и с 29 до 38 и 71%), а евклидово расстояние по трем ее основным секторам между РГ и РС в 1980–2018 гг. сократилось вдвое (рассч. по источникам к граф. 1, а также по: [Мельянцев, Матюнина, 2019, с. 38–39]). При этом СГТП абсолютных величин изменений в структуре занятости в последних был в полтора раза выше, чем у первых.

Изменение технологической зрелости экономики нелегко отразить в каком-то одном индексе. Тем не менее, подчеркнем, что в 2000–2019 гг. в мире охват населения интернетом вырос почти на порядок, достигнув без малого 3/5. Если в РГ он увеличился только втрое до примерно 9/10, то в РС – почти в сорок раз, превысив половину (53.3%). Однако, хотя по охвату обычным интернетом РС отстают в среднем от РГ примерно на 2/5, по охвату широкополосным – намного больше: в 2018 г. – в три раза (10.9% : 32.1%), но это уже вдвое меньше, чем в 2010 г. (в шесть раз – 4.1% : 24.7%) (рассч. по источникам к граф. 1, а также: [Internet Usage Statistics, 2019]).

Если в РГ *совокупная доля вложений в физический и человеческий капитал в ВВП* выросла с начала 1980-х гг. по вторую половину 2010-х гг. всего лишь на 1/10, достигнув 44–46% их ВВП (причем доля последних от их общей суммы увеличилась в полтора раза – до почти 3/5), то в среднем по РС рассматриваемый показатель увеличился вдвое больше (на 1/5), но до 39–41% (а удельный вес расходов на человеческий капитал в общем объеме капвложений повысился почти на 2/5, до менее 1/3). Иными словами, прогресс РС заметен, но: (а) они в целом, уже превосходя РГ по доле вложений в физический капитал в ВВП (28% : 20%), отстают по совокупной норме капиталовложений, так как их удельные расходы на развитие человеческого капитала в ВВП вдвое (12% : 25%) меньше; (б) среди РС сильна дифференциация: если в КНР совокупная норма капиталовложений выросла почти в полтора раза (с 38–39 до 56–57% ВВП), то, например, по Африке южнее Саха-

ры – всего в 1.1–1.2 раза (до 28–30%); (в) при расчетах в ППС соответствующая доля капитальных расходов в их ВВП примерно на $1/5 - 1/4$ меньше, так как в них цены на капитальные расходы выше, чем на потребительские, при сравнении с ситуацией в РГ (рассч. по источникам к граф. 1, а также: [The World Bank. *Purchasing Power Parities*, 2015]).

Весьма примечательно, что так называемый *парадокс сравнительно низкой динамики производительности* в истекшие десятилетия, оказывается, действовал не только в РГ, но и в РС. В РГ, несмотря на более зрелую структуру совокупных капвложений, СГТП совокупной факторной производительности (СФП) каскадно сокращался – с 2.5% в 1950–1980 гг. до 1.6% в 1980–2000 гг. и 0.6% в 2000–2019 гг., а ее доля в приросте ВВП снизилась соответственно примерно с $3/5$ до $1/2$ и $1/3$. В целом по РС, опять же несмотря на прогресс в совокупной норме капиталовложений и в увеличении пропорции расходов на человеческий капитал, проведение серии экономических, социальных и институциональных реформ, средний темп прироста СФП (при немалой дифференциации по группам РС) оставался на уровне 1–1.2%, но, подчеркнем, при этом вдвое отставая от РГ в 1950–1980 гг., на $2/3$ – в 1980–2000 гг. и перегоняя последних уже вдвое в 2000–2019 гг. Правда, в целом по РС вклад СФП в прирост их ВВП в среднем не превышал $1/4$, что существенно меньше, чем по РГ, и говорит о том, что подавляющее большинство РС не сумело встать на путь современного (интенсивного) экономического роста, опирающегося на эффективное применение инноваций (рассч. по: [Мельянцев, 2019, с. 11]).

Финансализация мировой экономики как ее *modus vivendi* в последние десятилетия и особенно после кризиса 2008–2009 гг., как средство поддержания ее на плаву (во многих РГ и РС, а также, особенно, в КНР), привела к колоссальному росту общей задолженности. По минимальным оценкам, она увеличилась в 2001–2018 гг. с 250 до 320% ВВП, в т.ч. по РГ – с 280 до 380% и в целом по РС – с 130 до 220%, в том числе по КНР – более чем вдвое, до 310% ее ВВП. Стало быть, рост задолженности обгонял рост ВВП в среднем по РГ вдвое, в целом по РС – в полтора раза, а по Китаю – на две трети. Подчеркнем, если доля Китая в приросте ВВП РС составила в 2001–2018 гг. $2/5$, то в приросте их общей задолженности – $2/3$ (рассч. по источникам к *граф. 1*, а также по: [Мельянцев, Матюнина, 2019, с. 68; China's Struggle, 2019]). Приведенные факты свидетельствуют о нарастающем кризисе в РГ, значительном неблагополучии во многих РС и явном кредитном перегреве в локомотиве мировой экономики – Китае.

Современная цивилизация, несмотря на многие ее полезные достижения, все еще достаточно *затратна*. И сейчас в мире много обеспокоенных (за деньги и просто так) вокруг экологического настоящего и будущего планеты и местных сообществ. Между тем поводов для некоторого алармизма более чем достаточно. Хотя не все, что происходит на Земле, рукотворно (есть вулканические процессы, геомагнитные изменения, вторжение астероидов разных размеров), как и нет достаточно сильных доказательств, что повышение температуры в мире вызвано антропогенным воздействием, но масштаб вредных выбросов впечатляющ. По имеющимся данным Всемирного Банка, СГТП *выбросов двуокиси углерода* (ДУ) в тенденции более чем удвоился – с 1.2–1.3% в 1980–2000 гг. до 2.7–2.8% в 2000–2014 гг. При этом, если в РГ он в итоге вырос примерно на $1/10$ (а с начала века сократился на без малого 5–6%), то в РС, чьи успехи в индустриализации и урбанизации цивилизованному и гуманному человеку трудно не приветствовать, рассматриваемый показатель увеличился примерно в 3.5 раза. На них пришлось $9/10$ мирового прироста выбросов ДУ. По Китаю цифры соответственно равны в 6.9 раза и 52%.

Соответственно если в РГ выброс ДУ в расчете на душу населения в 1980–2014 гг. сократился на $1/7$, то в РС он, напротив, вырос почти вдвое, достигнув около двух пятых от уровня экономически продвинутых государств. Не секрет, что «пальма первенства» и здесь опять-таки принадлежит Китаю. В нем вышеупомянутый индикатор подскочил в пять раз. КНР рекордно быстрыми темпами догоняет РГ в этом измерении: с $1/7$ в

1980 г., когда он приступил к реформам и модернизациям, до примерно 4/5 от их уровня в середине 2010-х гг., когда, все еще отставая от них в среднем втрое по подушевому ВВП в ППС, он стал уже первой державой в мире по его объему (рассч. по источникам к *граф. 1*).

Поскольку значительное наращивание этой эмиссии контрпродуктивно для здоровой жизни человека, во многих, прежде всего экономически продвинутых, странах ширятся народные протесты по ее сдерживанию, переводу в РС грязноемких производств (правда, данный трансфер, как это ни парадоксально, в интересах не только ТНК из РГ, но и самих РС, ибо дает прирост рабочих мест и доходов трудящихся).

Эксперты Всемирного банка (ВБ), МВФ и ООН не устают повторять, что благодаря осуществлению реформ и преобразований, в определенной мере ими инициированных, в РС ускорилось развитие экономики, в результате чего *доля критически бедных* в них рекордно сократилась. Жизнь в большинстве РС, используя метафору Томаса Гоббса, уже не столь «одинокa, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна». Действительно, общее число тех, кто в РС живет менее чем на 1.9 долл. в ППС 2011 г. в день, уменьшилось, по имеющимся данным ВБ, с начала 1980-х гг. по середину 2010-х гг. более чем втрое – с 1.9 млрд до 0.6 млрд человек, или примерно с 3/5 до 1/10 их жителей. Однако в Африке южнее Сахары, которая существенно опережает другие РС по СГТП численности населения (в 1980–2000 гг. в 1.6 раза, а в 2000–2018 гг. – уже в 2.5 раза), доля таковых вчетверо выше (более 2/5).

К тому же вышеупомянутый критерий – столь низкий, что граничит, на мой взгляд, с издевательством над человеком. Если брать *более высокий показатель* (приводимый в базе данных Всемирного Банка), а именно превышение планки, скажем, в 5.5 долл. в день в ППС 2011 г. (правда, этой суммы едва ли хватит взрослому мужчине, чтобы скудно питаться в Москве), то достижения РС выглядят намного скромнее. По имеющимся данным ВБ, *доля бедного населения* в РС в 1990–2015 гг. хоть и сократилась на треть, но все еще составляет 54–55%, а его общая численность практически не изменилась, оставаясь на уровне 3.4–3.5 млрд человек. По Африке южнее Сахары сама доля бедных сократилась в пределах статистической погрешности – с 88–89 до 85%, оставаясь чрезвычайно высокой, притом что их абсолютная численность не уменьшилась, а выросла почти вдвое – до примерно 850 млн человек (рассч. по источникам к *граф. 1*).

Сокращение числа критически бедных, при сохранении громадного общего числа бедных, и *поляризация обществ* по потреблению, доходам и богатству стали, на мой взгляд, основным трендом социально-экономической эволюции мира последних десятилетий. По расчетам Credit Suisse, хотя в мире в 2000–2019 гг. коэффициент Джини по богатству немного уменьшился,¹ с 0.919 до 0.885, он остается непомерно большим по своей величине. При этом высшая дециль взрослого населения в нем ныне располагает свыше 4/5 совокупного богатства, или вчетверо большими активами, чем у 9/10 остального общества. В целом по РГ доля высшего перцентиля общества в совокупном богатстве, если верить приведенному источнику, мало изменилась (с 27 до 27.8%), но она сильно – на четверть – выросла в бедных и среднедоходных странах (в среднем с 29.4 до 36.8%), оказавшись на треть выше, чем в РГ (составлено и рассчитано по: [Credit Suisse, 2019, p. 143–144, 168]).

Мир действительно находится на пороге крутых изменений. Есть и экономический, технологический и социальный прогресс. Не только в РГ, но и в РС. Но, подчеркнем, очень неровный и неравный.

¹ Но уменьшился ли он в действительности, если почти каждый день нам СМИ сообщают, сколь много неучтенных прибылей скрывается в офшорах?

Казалось бы, *проблема голода и недоедания* постепенно уходит, поскольку, по имеющимся данным, доля голодающих в РС сократилась на треть – с 18–20% в 1990 г. до 12–13% в 2017 г. Но абсолютная цифра мало меняется: это по-прежнему 750–850 млн человек, причем голодает 15–20% жителей Африки южнее Сахары и Южной Азии (рассч. по источникам к *граф. 1*).

Компьютеры, мобильная связь, инфосети, роботы, дроны, умная техника и многое другое, о чем можно было только мечтать три-четыре десятилетия назад, уже здесь и рядом, в чем-то многим помогают, доставляя им комфорт и удобства. Но недостаточно подготовленных и адаптивных теснят к обочине цивилизации (см.: [Акимов, 2015; Акимов, 2018; Frey, Rahbari, 2019]), в которой, по ряду прогнозов, если все будет относительно нормально и в результате соперничества государств и действий террористов не случится самое плохое, в не очень далеком будущем очень хорошо будет жить 1–2% мирового населения, 8–9% сумеют раскрыть свои таланты, а остальные 90% землян, в той или иной мере работа или нет, составят *великую армию прекариата*, поддерживая сносный (возможно, даже повысившийся), но весьма скромный – по возросшим меркам – уровень потребления.

Экономический рост в мире, и в РГ, и в РС, замедляется. В частности, темп прироста объема мирового экспорта, по предварительным оценкам, снизился с 5.1 и 4.5 % в 2017 и 2018 гг. до (–)0.6 % в 2019 г. (рассч. по источникам к *граф. 1*, а также: [Change in Export Volume, 2019]). Финансализация экономики, острые торговые споры, увеличение неравенства и возросший монополизм – среди факторов, его сдерживающих, несмотря на имеющийся НТП. В США, например, доля новых предприятий (до 5-летнего возраста) сократилась с примерно половины от их общего числа в начале 1990-х гг. до трети в 2010-е гг. [Wolf, 2019; Neuman, Norback, Persson, 2019; Akcigit, Ates, 2019]. Сказанное способствует усилению неопределенности и неустойчивости в мировой экономике (см.: [Ahir, Bloom, Furceri, 2019; Giles, 2019]), нарастание которых ощущается во многих странах при заметном падении в них уровня качественного управления.

КРАТКОСРОЧНЫЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В МИРЕ И В СТРАНАХ ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ 2020-х гг.

Как, на ваш взгляд, будет развиваться мировая экономика и экономика стран Востока в 2020 г.? Можно ли ждать кризиса в ближайшее время? Как вы полагаете, ждет ли мир новый экономический подъем, или мы уже не можем рассчитывать на те темпы, которые наблюдались до 2008 г.? Эти вопросы поставила перед нами редакция журнала «Восток».

Хотелось бы высказать соображения и за, и против прогноза о неминуемом наступлении кризиса в ближайшее время.

При явном замедлении темпов экономического роста в последние годы в том, что касается средне- и долгосрочных перспектив, можно указать на разные тенденции. Первая состоит в том, что происходят очень существенные изменения в научно-технической сфере, которые неизбежно серьезным образом повлияют на экономические процессы.

График 5 показывает явный быстрый рост, хотя его начало – 2009 год, то есть год мирового финансово-экономического кризиса, после которого идет период очень вялого роста, называемый «Великой рецессией» в отличие от «Великой депрессии», периода после кризиса 1929 г. Такое сравнение двух периодов говорит о том, что макроэкономисты очень озабочены долгосрочным отсутствием устойчивого мирового экономического роста в последние годы, но, оказывается, есть технологии, которые переживают взрывной рост даже в эти годы.

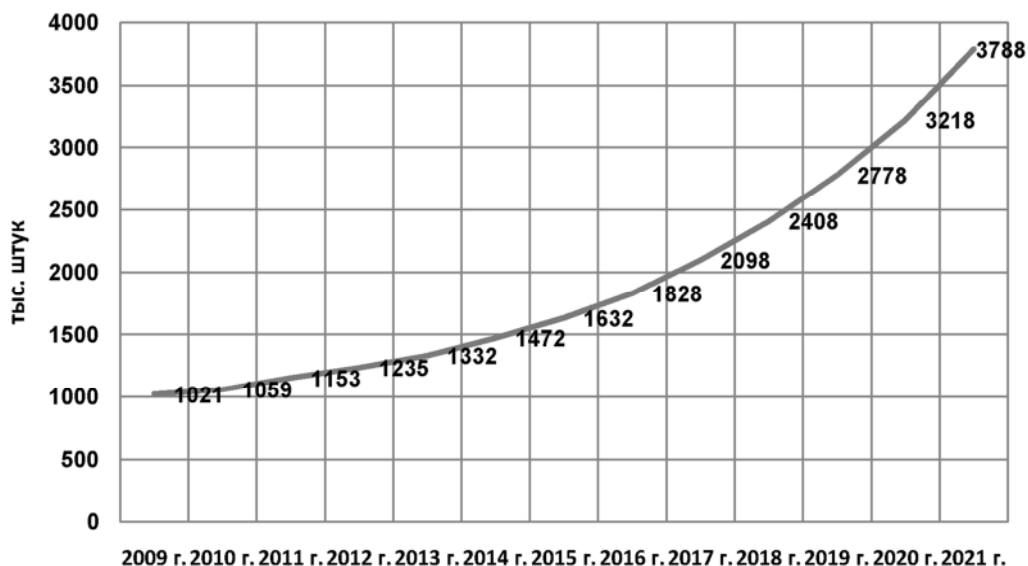

График 5. Мировой парк промышленных роботов 2009–2021 гг. (тыс. шт.)

Построено автором по данным [Executive Summary, 2018, p. 22].

Есть немалая вероятность того, что новые технологии, представителем которых является робототехника, запустят новый виток роста, который будет основан на замене производственного аппарата новыми технологиями. Сейчас накопилась критическая масса новых технологий в промышленности, логистике, на транспорте, а также в области информационных технологий, которая заставит менять производственный аппарат сначала лидеров отраслей, а затем и остальных, чтобы выдержать конкуренцию.

Правда, сразу нужно отметить, что все эти технологии носят трудосберегающий характер, т. е. все они будут вытеснять рабочую силу из производства. Рост очень вероятен в инвестиционной сфере, но он не обязательно приведет к росту потребления.

Несколько слов в том, что можно считать хорошими темпами роста. Ручир Шарма, американский инвестиционный аналитик индийского происхождения, отвечавший за инвестиционную политику компании Morgan Stanley, имеющий 25-летний опыт инвестиционной деятельности, считает, что после кризиса 2008–2009 гг. потенциал роста мировой экономики стал ниже. Он отмечает, что в течение трех десятилетий до кризиса 2008 г. мировая экономика росла со среднегодовым темпом свыше 3%, а теперь ее потенциальный рост несколько ниже 2.5% [Шарма, 2018, с. 463].

Р. Шарма отмечает, что темпы роста экономики зависят от подушевого дохода: чем он меньше, тем больше может быть рост. В современных условиях он считает, что для стран с подушевым доходом менее 5 тыс. долл. хорошим темпом роста будет рост ВВП свыше 5% в год. Для стран с доходом 5–15 тыс. долл. быстрым будет рост 3–4%. Для стран со средним доходом (15–25 тыс. долл.) хорошим он признает рост 2–3%, а для стран с высоким доходом (25 тыс. долл. и выше) – 1.5% в год [Шарма, 2018, с. 463]. Поскольку подушевой показатель для КНР, по состоянию, на 2018 г. составляет 9770.8 долл. [GDP per capita, 2019], то рост 3–4% для КНР будет хорошим показателем. В 2018 г. темп роста ВВП в КНР составил 6.6% [GDP growth, 2019]. В США ВВП в 2018 г. вырос на 2.9%, в еврозоне – на 1.9%. По шкале Р. Шармы в 2018 г. основные экономические регионы мира развивались вполне успешно.

Высокие темпы роста экономики обычно совпадают с модернизацией, которая осуществляется в рамках догоняющего развития. Этот тип развития, как подчеркивается в монографии коллектива авторов во главе с Я.М. Миркиным, «...предполагает вместо органических изменений расширенное вмешательство государства (дирижизм, интервенционизм), изменяющее траекторию развития экономики (административными и рыночными методами)» [Миркин и др., 2018, с. 21]. В настоящее время в мире много государств, которые остро нуждаются в модернизации, так что можно рассчитывать на то, что истории успеха еще будут повторяться.

Нужно отметить, что, действительно, центр мирового экономического развития смещается в Восточную Азию, где самой крупной и лидирующей является китайская экономика. Таблица 1 иллюстрирует эту тенденцию на примере станкостроения.

Таблица 1

Страны-лидеры в производстве станков в 2015 г.

Страна	Производство, млн долл. США	Доля в мировом производстве, %
КНР	22100	27.6
Япония	13489	16.8
Германия	12422	15.5
Италия	5306	6.6
Республика Корея	4758	5.9
США	4600	5.7
Тайвань	4030	5.0
Швейцария	3053	3.8
Испания	1003	1.3
Австрия	938	1.2
Мир в целом	80190	100

Составлено по: [World Machine Tool, 2016, p. 5].

Эта отрасль является одной из самых сложных в машиностроении с точки зрения технологий. Вместе с тем именно она определяет технологическую независимость национальной экономики. На Восточную Азию приходится более половины стоимости мирового производства станков, а на КНР – более четверти. Если же рассмотреть такую отрасль, как черная металлургия, то здесь на КНР приходится половина мирового производства [Акимов, 2018].

Что касается измерения экономического роста, то, действительно, многие исследователи отмечают несовершенство используемых показателей. Основным измерителем экономического роста остается валовой внутренний продукт (ВВП). К сожалению, при низких темпах роста экономики этот показатель теряет свою информативность. Ведь он фиксирует всю экономическую деятельность в стране, а это, например, восстановительные работы после стихийных бедствий. Людям стало жить хуже, поскольку они потеряли имущество, но ВВП будет показывать рост, потому что были выполнены работы по восстановлению разрушенного. Это наиболее яркий пример, но таких ситуаций много. Если ВВП растет на несколько процентов, тут ясно, что есть улучшение экономической ситуации, продукт стал больше, но при малых темпах роста, например, для России зна-

чимым фактором может стать холодная зима, поскольку нужно добыть и транспортировать больше топлива для обогрева, а это увеличение ВВП. Также и снижение ВВП на малые значения не обязательно говорит об экономическом спаде.

При обсуждении перспектив экономического роста неизбежно встает вопрос о краткосрочных перспективах. Он является некоторым критерием адекватности мнений экономистов о реальных процессах, происходящих в экономике.

Можно найти довольно много публикаций и за, и против прогноза о неминуемом наступлении кризиса в ближайшее время. Как отмечает руководитель Экономической экспертной группы, член Экономического совета при Президенте РФ Е. Гурвич, «можно предположить, что нынешнее сравнительно спокойное и благоприятное состояние мировой экономики в ближайшие 1.5–2 года почти наверняка существенно ухудшится» [Гурвич, 2019].

Такой прогноз он связывает с тем, что три главных центра мировой экономики – США, Евросоюз и КНР – в настоящее время сталкиваются с серьезными проблемами.

Специалисты американского банка JPMorgan Chase также считают весьма вероятным существенный кризис в 2020 г. Их точка зрения базируется на расчетах цикличности экономического развития, соотношения собственных и заемных средств у крупнейших компаний, стоимости активов и оценки уровней дерегулирования финансовых рынков и распространения финансовых инноваций [Дембинская, 2019].

Вместе с тем есть публикации, которые указывают на противоположные тенденции. Например, указывается на то, что предсказанная два с половиной года тому назад на 2019–2020 гг. Нобелевским лауреатом Полом Кругманом рецессия пока не наступает, и нет признаков, что она должна произойти [Rapoza, 2019]. В качестве признаков улучшения ситуации указывается на сокращение задолженности домохозяйств США со 144% от уровня доходов 10 лет тому назад до 99% в настоящее время. Параллельно растут доходы компаний.

В то же время другие обозреватели подчеркивают, что при неплохих текущих данных по американской экономике ситуация может лишь казаться стабильной, а торговые войны, начатые Трампом, расшатывают уверенность участников рынка в перспективах экономического развития, что приведет к свертыванию инвестиций [Irwin, 2019].

Разные мнения о перспективах кризиса все опираются на достоверные данные, но они, к сожалению, никогда не дают однозначной картины из-за большой сложности и изменчивости экономики.

Одним из препятствий на пути экономического роста является тот факт, что в настоящий момент не видно новых потребительских товаров или услуг, которые могли бы встряхнуть рынки, создать новые потребности и производства. Более того, высокая степень за кредитованности западных потребителей, равная в США доходам домохозяйств, как было упомянуто выше, снижает их покупательскую способность. Ипотека, автокредиты, а в США еще и кредиты на получение высшего образования выплачиваются средним классом на протяжении всей жизни, т. е. существенная часть доходов уходит банкам и не попадает на потребительский рынок. В развивающихся странах потребительский спрос еще невысок из-за низких доходов. Когда доходы растут, он увеличивается, но его удовлетворяют местные производители и экспортеры из стран с низкими издержками производства, т.е. повышение спроса в развивающихся странах стимулирует спрос в них же, а для развитых этот процесс не имеет значения. Развитые страны чаще поставляют в эти страны инвестиционные товары, то есть оборудование и машины.

С точки зрения перспектив мирового экономического кризиса интересна роль Индии. Догоняющее развитие для этой страны является безальтернативным. Правительство Моди готово стимулировать экономический рост. В 2018 г. ВВП Индии вырос на 7.0%. Вопрос в том, сможет ли рост в Индии стимулировать экономику хотя бы стран Азии. То-

гда даже на фоне около нулевого экономического роста в развитых странах общемировые темпы ВВП могут остаться в положительной области.

Среди краткосрочных факторов, работающих на поддержание экономического роста, надвигающиеся президентские выборы в США. Естественно, правительство Трампа будет принимать всевозможные меры стимулирования экономики для избежания кризиса. Торговые войны, в частности с Китаем, могут быть инструментом стимулирования экономики США перед выборами.

Что касается краткосрочных трендов, то нужно напомнить, что кризис 2008–2009 гг. не был в строгом смысле слова глобальным. Падение ВВП наблюдалось практически во всех РГ, но в РС спада не было, было замедление роста. Этот факт показывает, что складывается новая международная экономическая система, уже не совсем глобальная. РГ и РС в некоторых экономических процессах начинают расходиться, что не может не сказаться на динамике ВВП.

Таким образом, в ближайшей перспективе может иметь место спад в экономике Запада, но этот спад может не стать мировым, поскольку РС, несмотря на глобализацию, имеют механизмы экономического роста, относительно независимые от РГ. В группе РС есть такие лидеры, как КНР и Индия, которые уже могут самостоятельно играть роль локомотивов мировой экономики.

Пытаясь ответить на вопрос: «Что нас ждет впереди?», экономисты могут и должны обозначить и описать варианты развития для того, чтобы участники рынка могли разработать стратегии, обеспечивающие им оптимальное поведение в разных условиях, но конкретные реализации тенденций зависят от индивидуальных решений большого числа участников рынка, что делает точные прогнозы весьма сложным делом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимов А.В. Обработывающая промышленность стран Востока в мировых показателях: статистический очерк. *Экономист*. 2018. № 4. С. 10–20 [Akimov A.V. Manufacturing of the Eastern Economies in the World Totals: Statistical Overview. *Economist*. 2018. No. 4. Pp. 10–20 (in Russian)].

Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке. *Восток (Oriens)*. 2015. № 1. С. 87–96 [Akimov A.V. Labor-Saving Technologies and Social Development in the XXI Century. *Vostok(Oriens)*. 2015. No. 1. Pp. 87–96 (in Russian)].

Гурвич Е. Будет ли новый экономический кризис? [Gurvich E. *Will Another Recession Come?*]. (in Russian) <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budet-li-novyy-ekonomicheskiy-krizis/> (accessed : 17.10.2019).

Дембинская Н.В. 2020 году мир накроет новый глобальный суперкризис [Dembinskaya N. *In 2020 The World Will Face a New Global Supercrisis*]. <https://ria.ru/20180924/1529109591.html> (дата обращения 11.10.2019).

Мельянцев В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5–14. [Meliantsev V.A. The PRC and the USA, Who's Winning: A Comparison of the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 8. Pp. 5–14 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 2. С. 45–74 [Meliantsev V.A. Contradictory Trends in the Modern Economy and the Developing Countries. *Bulletin of Moscow State University*. Ser. 13. Oriental Studies. 2016. No. 2. Pp. 45–74 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3. С. 162–180 [Meliantsev V.A. Smart Technologies, Solow Paradox and Contradictions of Socio-Economic Development in the Countries of the West and East at the Beginning of the 21st century. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 3. Pp. 162–180 (in Russian)].

Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. *Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы)*. М.: Ключ-С, 2019 [Meliantsev V.A., Matiunina L.H. *Essays of Macroeconomic and Financial Development of the Countries of the East and West (1980–2010s)*. Moscow: Kliuch-S, 2019 (in Russian)].

Миркин Я.М., Жукова Т.В., Бахтараева К.Б., Комова А.В. *Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика*. М.: Магистр, 2018 [Mirkin Y.M., Zhukova T.V., Bakhtaraeva K.B., Komova A.V. *Stimulation of Superfast Economic Growth: World Practice*. Moscow: Magistr, 2018 (in Russian)].

Цветкова Н.Н. *ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг.* М.: ИВ РАН, 2011 [Tsvetkova N.N. *TNCs in Asian Countries: 2000–2010*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2011 (in Russian)].

Шарма Р. *Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире*. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2018 [Sharma R. *The Rise and Fall of Nations. Forces of Change in the Post-Crisis World*. M.: AST: CORPUS, 2018 (in Russian)].

Ahir H., Bloom N., Furceri D. The Global Economy Hit by Higher Uncertainty. *The VoxEU*. 10.05.2019. <https://voxeu.org/article/global-economy-hit-higher-uncertainty> (accessed: 10.05.2019).

Akcigit U., Ates S. Knowledge in the Hands of the Best, not the Rest: The Decline of US Business Dynamism. *The VoxEU*. 04.07.2019. <https://voxeu.org/article/decline-us-business-dynamism> (accessed: 04.07.2019).

Change in Export Volume. cpb.nl/en/worltrademonitor (accessed: 04.11.2019).

China's Struggle to Manage Economic Slowing Pains. *The Financial Times*. 26 Sept. 2019. <https://www.ft.com/content/1c67470a-ded3-336a-b34c-d10c0d6293cb?desktop=true&segmentId=d8d3e364-5197-20eb-17cf-2437841d178a#myft> (accessed: 26.09.2019).

Credit Suisse. Global Wealth Databook. Geneva, 2019.

Executive Summary. World Robotics 2018. *Industrial Robots*. https://ifr.org/downloads/press2018/Executive_Summary_WR_2018_Industrial_Robots.pdf (accessed: 11.11.2018).

Frey C.B., Rahbari E. Automation and Its Enemies. *The VoxEU*. 04.11.2019. <https://voxeu.org/article/automation-and-its-enemies> (accessed: 04.11.2019).

GDP growth (annual %). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed: 11.11.2018).

GDP per capita (current US\$). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed: 11.10.2019).

Giles Ch. Global Economy Enters Period of Synchronised Stagnation. *The Financial Times*. 14.10.2019. <https://www.ft.com/content/7e412720-ec3a-11e9-85f4-d00e5018f061> (accessed: 14.10.2019).

Heyman F., Norback P.-J., Persson L. How Sweden Became More Entrepreneurial than the US. *The VoxEU*. 12.08.2019. <https://voxeu.org/article/how-sweden-became-more-entrepreneurial-us> (accessed: 12.08.2019).

IMF. *World Economic Outlook*, 2019. October. Washington, D.C., 2019.

India Must Restore Faith in Its Economic Institutions. *The Financial Times*. 24.06.2019. <https://www.ft.com/content/fe52ca6c-91eb-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (accessed: 24.06.2019).

Internet Usage Statistics. <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 25.10.2019).

Irwin N. *How the Recession of 2020 Could Happen*. <https://www.nytimes.com/2019/08/17/how-the-recession-of-2020-could-happen.html> (accessed: 11.10.2019).

Kohli T. Joining the Technological Frontiers. *The Project-Syndicate*. 13.09. 2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/joining-artificial-intelligence-biotech-frontier-technologies-by-tej-kohli-2019-09> (accessed: 13.09.2019).

Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003.

Rapoza K. *The Trump 2020 Economic Recession Isn't Happening*. <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2019/04/29/the-trump-2020-economic-recession-isnt-happening/#26523f9c312b> (accessed: 11.11.2019).

The World Bank. *Purchasing Power Parities and the Real Size of World Economies*. Washington, D.C., 2015.

Wolf M. Why Rigged Capitalism Is Damaging Liberal Democracy. *The Financial Times*. 18.09. 2019. <https://www.ft.com/content/5a8ab27e-d470-11e9-8367-807ebd53ab77> (accessed: 18.09.2019).

World Development Indicators. Data Bank. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed: 23.10.2019).

World Machine Tool Survey 2016. Р. 5. <http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/2016%20WMTS%20Report.pdf> (accessed: 09.10.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АКИМОВ Александр Владимирович – д.э.н., зав. Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва.

Alexander V. AKIMOV, Dr. Sc. (Economics), Head of Economic Research Department of the Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович – д.э.н., профессор, зав. Кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Vitalii A., MELIANTSEV, Dr. Sc. (Economics), Professor, Head of Department of International Economic Relations of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University, Moscow.